

<https://doi.org/10.21638/2226-5260-2019-8-1-318-327>

НИКОЛАЙ ГАРТМАН

О ВИЛЬГЕЛЬМЕ СЕЗЕМАНЕ. 1933*

ВЛАДИМИР БЕЛОВ (*пер. с нем.*)

Доктор философских наук, профессор.

Российский университет дружбы народов, Факультет гуманитарных и социальных наук.

117198 Москва, Россия.

E-mail: belovvn@rambler.ru

МИХАИЛ БЕЛОУСОВ (*ред.*)

Кандидат философских наук, доцент.

Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы

при Президенте Российской Федерации.

119571 Москва, Россия.

E-mail: mishabelous@gmail.com

В данной публикации приводится перевод рецензии Николая Гартмана на статью Василия Сеземана, которая настолько объемна, что рецензент ошибочно называет ее книгой. Речь идет о статье Сеземана 1932 года «Логические законы и бытие» („Die logischen Gesetze und das Sein“). Данное исследование Сеземан предпринимает для того, чтобы акцентированно прояснить характер и сущность логической, рационально-рефлексивной сферы, показав, с одной стороны, ее естественность в процессе познания, с другой, — ее производность и ограниченность. В своей рецензии Гартман оценивает эту статью не как логическую, а как строго онтологическую, хотя еще точнее было бы назвать ее все-таки онтолого-гносеологической, поскольку в центре внимания отечественного философа стоят не только проблемы бытия, но и проблемы, связанные с различными возможностями его постижения.

Ключевые слова: Сеземан, онтология, теория познания, интуиция, пространство, время, движение, возможность.

* Перевод выполнен по изданию: Hartmann, N. „Zu Wilhelm Sesemann. 1933“; in: N. Hartmann, Kleinere Schriften, Band III. Vom Neukantianismus zur Ontologie, Berlin: Walter de Gruyter, 1958, S. 368–374.

Печатается с любезного разрешения издательства Walter de Gruyter GmbH.

© DE GRUYTER

© VLADIMIR BELOV, trans., MIKHAIL BELOUSOV, ed., 2019

NICOLAI HARTMANN

ON WILHELM SESEMANN. 1933

VLADIMIR BELOV (*trans. from German*)

DSc in Philosophy, Professor.

Peoples' Friendship University of Russia, Faculty of Humanities and Social Sciences.

117198 Moscow, Russia.

E-mail: belovvn@rambler.ru

MIKHAIL BELOUSOV (*ed.*)

PhD in Philosophy, Assistant Professor.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

119571 Moscow, Russia.

E-mail: mishabelous@gmail.com

This publication provides a translation of Nikolai Hartmann's review into an article by Vasily Sesemann, which is so voluminous that the reviewer mistakenly calls it a book. The publication provides Hartmann's review of Sesemann's study 1932 "Logical Laws and Being" („Die logischen Gesetze und das Sein“). Sesemann undertakes this research in order to accentuate the nature and essence of the logical, rational-reflexive sphere, on the one hand, its naturalness in the process of cognition, but, on the other, — derivativeness and limitations. In his review, Hartmann assesses this article not as logical, but as strictly ontological, although it would be more accurate to call it nevertheless ontological and epistemological, since not only the problems of being are the focus of attention of the Russian philosopher, but also the problems associated with the various possibilities of its comprehension.

Key words: Sesemann, theory of knowledge, ontology, intuition, space, time, movement, possibility.

Книга является продолжением двух более ранних работ 1927 года, которые были опубликованы в настоящем журнале под общим названием «Исследование проблемы познания»: Часть I. «О предметном и не предметном знании», Часть II. «Рациональное и иррациональное». С обоими этими исследованиями, которые вместе взятые имеют почти такой же объем, как и новая работа, последняя настолько тесно связана, что сразу бросается в глаза единство целого в частях. И следует только сожалеть, что три части не появились вместе как единое произведение. К сожалению, это обстоятельство приобретает еще большее значение из-за того, что публикации иностранного университета преимущественно на иностранном языке в любом случае с трудом распространяются на немецком книжном рынке, в то время как настоящий круг интересующихся подобной работой, без сомнения, принадлежит кругу немецкой науки. И тем более я полагаю своим долгом обратить внимание профессионального сообщества на эту выдающуюся и во многих отношениях уникальную работу.

Ошибется тот, кто будет судить работу только по ее названию. В книге речь идет больше о «бытии», чем о «логических законах». Это никакое не логическое исследование, но исключительно онтологическое. Тем самым оно проникает в ту проблемную область, которая в теоретической философии сегодня может быть [названа] центральной и в лучшем смысле актуальной. Никто ведь не будет возражать против того, что в наши дни проблема бытия, в известном смысле, созрела для разрешения. Но что в действительности происходит? Мы пережили так называемый «поворот к онтологии», и нет недостатка в тех, кто по образцу господствующего историзма опять философствует об этом повороте как о феномене нашего времени. Это — не тот путь, который ведет во вновь открытую проблемную область. Если присмотреться повнимательней к тому, что же собственно сделано для проникновения в эту область, то вряд ли мы увидим постановку вопроса, не говоря уже о проложенном пути исследования, который выходил бы за пределы самых поверхностных и общих предварительных вопросов, вроде вопросов о «смысле» бытия или отношении познания и бытия. Вдобавок даже попытки решения этих вопросов всегда опираются на старые спекулятивно-мировоззренческие точки зрения, или — что не менее неверно — данные попытки предпринимаются, исходя из смежных проблемных областей с использованием заимствованных из них методов: опять-таки, исходя из логики, теории познания, феноменологии и даже из истории философии и социологии. Неудивительно, что при этом теряется смысл онтологического исследования. В результате мы все еще не получили заявленную онтологию. Мы все еще остались при этой заявке, при этом «повороте».

Совсем иначе у Сеземана в его книге. Здесь нет никакой речи «об» онтологии, даже в качестве вводных рассуждений. Автор вообще отказывается от какого-либо введения. Он начинает непосредственно с существа вопроса. Что речь идет о настоящем онтологическом исследовании, и что следует под таким понимать, становится ясно лишь в процессе исследования и притом с куда большей степенью отчетливости, чем могло бы представить некое предварительное рассмотрение. Вся суть работы заключена в содержании, только исходя из содержания обсуждается постановка вопроса и метод исследования. И содержание в самом деле является важнейшим. Оно действительно раскрывает, наконец, по меньшей мере часть основных онтологических вопросов. То, что это раскрытие происходит в противовес логическим законам, напротив, лишь играет роль исходного пункта, который по мере развертывания исследования все более и более отходит на второй план.

Логическая структура отличается от структуры сущего с двух сторон: со стороны субъекта и со стороны объекта. Соответственно, работа распадается

на две части. В первой идет речь об отношении логических законов «к относящемуся к субъекту и психическому бытию», во второй — «к автономно существующему бытию». Сознание очень далеко от полного подчинения логической структуре. Мы достаточно знаем о его алогичности в эмоциональной сфере. Однако менее известен и менее изучен тот факт, что и теоретическое сознание демонстрирует вполне определенные границы логического. Не все, что нами воспринимается, определено предметно. Но логические законы являются законами определенности. Там, где начинается неопределенность, логическая структура отказывается. Но это относится не ко всему, что не схватывается понятийно. Восприятие вещи, скорее, далекое от любой понятийности, показывает главным образом определенность и логическую однозначность, и именно на основе специфического характера, который является общим ему и царству мысли. Этот характер заключается в господстве в представленном предметном мире пространственности и статичной перспективы.

Неподвижность и вневременность логической структуры издавна ясно усматривали в сущности значимости суждения; лишь крайний психологизм не признавал этого, но именно поэтому он и не смог удержаться. Но куда более удивительным является то обстоятельство, что и в мире восприятия пространственно-статичное явно преобладает. Уже преобладание зрения в обыденной картине мира является тому доказательством. Еще очевиднее данный аспект проявляется в овеществлении всего воспринимаемого. Рождается удивительная аналогия между воспринимаемым миром вещей и миром понятий. И именно эта аналогия есть то, что делает возможным легкое преобразование воспринятого в форму понятия. Однако иначе обстоит дело с полным феноменальным содержанием восприятия. Оно не растворяется в объективной форме вещи, но охватывает еще и многое другое: цвета, сияние, тени, звуки, запахи и др.; но все это сразу заслоняется аспектом вещи. «Именно здесь налицо совершенно определенный взгляд на внешний мир, взгляд, который хотя еще и является до-понятийным, но, тем не менее, частично скрывает, частично существенно модифицирует первоначальную феноменальную данность». Таким образом, логическим законам должно быть прямо противопоставлено первоначальное феноменальное содержание. Кроме того, необходимо рассмотреть «внутреннее восприятие», которое предоставляет нам психическую реальность.

В ходе выполнения этой задачи раскрывается целый ряд совершенно онтологических моментов. Среди них выделяются момент «неясности» и момент «неопределенности», которые в разнообразных градациях сопровождают вос-

приятие. Это самый мастерский момент анализа, в котором Сеземан показывает, что неопределенность не является просто эпифеноменом, который возник бы в последующей рефлексии на основе неполноты воспоминаний, что она, скорее, сама может быть обнаружена в первоначальном восприятии и демонстрирует в нем форму «пробелов» в совокупном схватывании. Этот ряд явлений завершается в дальнейшем в мире представления; он проявляет себя там как некоторая «запутанность» содержания, которая стремится к определенности и возрастает в сновидениях вплоть до «сдвигов и идентификаций», лишаящих предмет какой-либо однозначности. В полной мере огромное богатство их вариаций обнаруживает себя в сфере внутреннего восприятия. Установка сознания является как раз преимущественно вещной, но здесь сознание должно иметь дело с содержанием, которое по своей сути глумится над вещьностью. Однако с вещьностью исчезает и предметность восприятия (*Auffassung*), а «непредметное» не демонстрирует уже структуру логической закономерности.

Между тем, все это — лишь вступление. Серьезнейший аспект проблемы заключен в отношении логических законов к реальному внешнему миру, или, как гласит заглавие II части, к «автономно существующему бытию». Основной чертой этого бытия здесь оказывается «подвижность», «становление» в широком смысле. Пространственное «движение» в узком смысле является лишь его частью. Но именно эта часть служит примером, на котором рассматривается вышеуказанное базовое отношение. Из него исходит вторая часть исследования.

Античная мысль находится полностью в плену логической закономерности; она сделала ее «критерием истинной реальности». Это — смысл аргументов Зенона, которые отрицают реальность движения. Интерпретация Райнаха, сводящая заключенное в этих парадоксах противоречие к видимости, не может быть принята. Движение имеет временную длительность, а Зенон растворяет его в ряде стадий, каждая из которых представляет вневременное «бытие в...» (точках или местах). По этой причине стадии для него не сливаются в континуум происходящего. Но важнее здесь то, что и современное физикалистское воззрение на движение, несмотря на всю видимость обратного, предпринимает такое же опространствование временного, хотя оно и акцентирует временную компоненту со всей отчетливостью. Оно превращает время лишь в 'еще одно измерение' наряду с пространственными измерениями и не отличает его от последних в математическом описании. Оно, следовательно, также никоим образом не схватывает непрерывную текучесть как таковую. Его понятие времени — абстрактно. «В силу своей понятийной определенности, как она при-

суца физике, движение застывает»; физическое время есть лишь «логическая аббревиатура конкретного реального времени».

Для прояснения этого положения дел Сеземан вводит понятие прошлого в новом и более широком смысле. Физикалистское рассмотрение придерживается временной непрерывности. Но непрерывность существует также и там, где текучести уже нет. Реальность же есть сама текучесть. Если ее игнорируют и полагаются на непрерывность, то запросто происходит опространствование времени (*die Verräumlichung der Zeit*). Как истекшая, временность движения опространствуется, является как готовая, законченная, как временной отрезок, который полностью и без остатка представляется и измеряется в пространственном отрезке. В этом, редуцированном к модусу прошлого времени господствует «однородность», в которой исчезает отличие «сейчас» от «еще не» и «уже не». Опространствование одновременно есть овеществление времени и движения. Но [при этом] теряется первоначальное феноменальное содержание времени и движения. Ведь для этого содержания характерна именно динамика настоящего, равно как и напряжение между ним и будущим. Только эти моменты составляют «актуальность» времени.

Отсюда вырисовываются широкие перспективы. «Движение есть потому и благодаря тому, что оно еще будет и может быть». Только так оно является актуальным движением. Но именно [как существующее] «так» оно необходимо является незаконченным. Таким образом, оно, пожалуй, представляет собой единство, но не целостность. Целостность движения означает его прекращение. Оно есть, поскольку оно длится, характерный апейрон. С этим связано то, что оно на каждой стадии сохраняет некоторую неопределенность; оно может в следующий момент измениться, но может продолжаться и без изменений или перейти в покой. В нем, пока оно длится, всегда заключено «множество возможностей». Поэтому в каждый актуальный момент в нем отсутствует ясная, законченная определенность. Отсюда возникают противоречащие друг другу определения. Из этого следует, что движение не подчиняется логической закономерности.

Что значимо для движения, является значимым и для становления вообще; а так как все реальное находится во времени и в становлении, то тем самым это значимо и для всей области реального. Наука везде склоняется к тому, чтобы реальное, которое оно постигает, подчинить логической закономерности; она его рационализирует тем, что лишает становление актуальности, исключает неопределенность, изображает живую текучесть как нечто завершенное (*Gewesene*). Следовательно, она упускает сущностную черту апейрона, и постоянно

упускает, таким образом, частично даже то, что постигает, реальное. В процессе становления постоянное возникновение определенности — в чем и состоит осуществление процесса — есть, следовательно, также постоянное появление еще-неопределенного-бытия (*Noch-Unbestimmtheit*). Первое постигает понятие, последнее оно упускает; но и первое оно постигает искаженно, только как определенность, а не как подлинное становление определенности. Для понятия в апейроне актуального, протекающего [в данный момент] события заложено неискоренимое противоречие. Ведь апейрон есть определенность и неопределенность одновременно.

Так исследование переходит к анализу модальности. Неопределенность становления в соответствующем настоящем онтологически предполагает «многообразие возможностей», как вид горизонта-будущего (*Zukunfts-Horizont*). Теперь возможное, правда, связано с определенными условиями, и они для каждой временной точки располагаются в прошлом; но условия не образуют абсолютно никакой закрытой тотальности, которая существовала бы заранее, скорее, они впервые складываются в течении процесса. Однако, поскольку не все они даны сразу, очевидно, [что] еще «возможны» самые разные [вещи]. Каждое Сейчас (*Jetzt*) «реализует» только одну из многих возможностей и создает тем самым новую ситуацию, в которой открываются новые возможности. Каждая соответствующая ситуация в событии определена абсолютно однозначно, но одновременно она образует «потенцию» определенного ряда возможностей. Движение процесса, таким образом, каждый раз есть становление определенности неопределенного и одновременно реализация одной из возможностей; причем тогда все остальные возможности одновременно становятся невозможными.

Подобное понятие возможности в качестве онтологического отнюдь не бесппроблемно. Ведь очевидно, что онтически возможно только то, чьи условия все в наличии; если отсутствует одно из них, то это, скорее, уже «невозможно». Иначе обстоит дело при идеальной возможности, при возможности логической, и даже при познавательной возможности. Здесь повсюду идет речь лишь о частичных возможностях. Последние, однако, как раз не являются реальной возможностью. Являются ли, таким образом, «многообразие возможностей» — а с ним и неопределенность в становлении — в конечном счете онтически иллюзорными? Если бы мы положительно ответили на этот вопрос, тогда в реальности не осталось бы никакого игрового пространства для возможного наряду с действительным. Возможность и действительность тогда совпали бы. И следствием было бы то, что возможность не могла бы изначально быть вообще ка-

кой-либо категорией бытия, но только категорией познания и должна была бы лишь ложно проецироваться сознанием на реальное бытие. Эту трудность Сеземан разрешает посредством включения проблемы модальности во временность становления. Реальная возможность связана с актуальностью «Сейчас» и его двойным аспектом. Но само Сейчас течет. Возможное, со своей стороны, является возможностью действительного, а последнее принадлежит будущему, имея, однако, свои условия в прошлом. Таким образом, в сфере реального события условия возможного никогда не завершены; так как пока событие еще находится в процессе [осуществления], его целостность незакончена. Сама целостность не «есть», но «становится». Если она достигла своей завершенности, событие тем самым закончено: возможность перешла в действительность. Но тогда она и принадлежит уже не будущему, а прошлому.

Здесь — высшая точка исследования. Очевидно, что такое включение [проблемы модальности во временность становления] ведет к противопоставлению динамически возможного статически возможному и результатом анализа становится вывод, что только реально-временная динамическая возможность является подлинной реальной возможностью вообще. В соответствии с этим, неудивительно, что тот аспект реального, который постигает наука, она, в угоду своей логической структуре, постигает исходя из статической категории возможности. Она останавливает движение и временность; и в этом застывшем мире нет тогда больше открытости горизонта будущего. Этот результат имеет далеко идущие последствия. Они затрагивают очень конкретные отношения: место дискретности в мировых взаимосвязях, самостоятельность подсистем, структуру мирового события, проблему детерминизма и научное предсказание, понятие развития и понятие свободы. В конце концов, они ведут к [построению] ступенчатого порядка возможного, который в работе, к сожалению, обрисован слишком бегло. Только на высшей ступени раскрывается, по сути, фундаментальная потенция возможного: «Оно делает возможным бытие-для-себя и свободу духа, создает основу для познания и науки, и открывает сознанию доступ к миру идеального».

Очевидно, что результат этих исследований не заключается в ограничении сферы логической закономерности. Они в немалой степени обогащают [наше понимание] логических законов — например, [работа содержит] нечто совершенно новое и важное о видах иррационального — и об этом идет речь в последних главах книги. Однако намного более важным является внутреннее развертывание самих проблем. Уже рассмотренные [ключевые моменты работы] показывают, что здесь обсуждается учение о категориях. Движение,

становление, течение, время, возможность, действительность — все это основные категории сущего; и то, что [содержащиеся] в них моменты значимости (*Gültigkeitsmomente*) осознанно различаются как категории познания и категории бытия — различие, которое вовсе не может быть постигнуто исключительно с логической точки зрения — должно представлять здесь особую ценность. Это с впечатляющей ясностью обнаруживается в том, что исследование очень быстро выходит за пределы узко очерченной вначале темы и прорывается в большую проблемную область детерминизма и индетерминизма, свободы, необходимости и случайности. И отнюдь не случайно, что именно эти последние вопросы получают в нем новое и очень ясное освещение; результат, который я не могу здесь более прояснить, но который вполне можно предугадать, учитывая изложенное.

Секрет столь впечатляющего и неожиданного результата, в конечном счете, заключен, по моему мнению, в определенной выдержанности метода [исследования]. Это — не «теория», которую необходимо отстаивать, не точка зрения, которая должна быть представлена; за ним не стоит какая-либо заранее составленная картина мира, которую нужно было бы доказать или, тем более, всего лишь сделать убедительной. Это, скорее, ряд феноменов, которые раскрыты в проницательной работе. Но выбор и связь этих феноменов определяются наличием известных проблем в пограничной области на пересечении логики, теории познания и онтологии. Это те проблемы, которые созрели для разрешения благодаря состоянию современного знания и должны быть насущными для всех, кто в своем собственном мышлении укоренен в этом состоянии знания. Я хотел бы указать на эти исследования как на образцовый пример чистого изучения проблем — в противоположность любым спекулятивным, конструктивным или связанным с какой-либо мировоззренческой позицией построениям. Это — такое исследование, которое, не предполагая [какой-либо] картины мира, исходит исключительно из состояния проблем и стремится выработать определенную позицию в отношении всех этих проблем только в результате осуществляемой в нем работы. Это — исследование, проведенное с такой чистотой, примеры которой мы лишь редко встречаем где-либо, особенно в области в высшей степени метафизически отягощенных фундаментальных вопросов бытия и мира. Но это — тот тип исследования, которым хотелось бы располагать для всего широкого круга философских проблем.

В то время, когда в самой философии гонятся за сенсациями и следуют за каждым модным течением мысли, неподкупная рассудительность такой книги оказывает чрезвычайно благотворное воздействие. Сегодня многие уже едва ли

знают, как работает чистое проблемное мышление. Здесь они могут получить урок — необычайно краткий и лаконичный, не опасаясь попасть в ловушку мысли и быть запертыми в клетку системы.

Чтобы с благодарностью признать правоту автора, не требуется согласия с его позицией во всех деталях. У меня самого по многим пунктам имеются сомнения, я также нахожу, что превосходно задуманная работа в некоторых более конкретных вопросах все же оставляет читателя в недоумении. Последнее было неизбежным ввиду чрезвычайной краткости изложения. И разве то, что кто-то другой приходит в частности к другим результатам, является аргументом против подобного исследования? Это только показатель открытости и незавершенности всех основополагающих проблем, жизнеспособности исследования на историческом этапе широкого распространения дискуссии. Поэтому полагаю излишним в своем сообщении приводить критические замечания; они могли бы выразить лишь другое мнение, против которого, в конце концов, тоже можно было бы выдвинуть не меньше возражений. Окончательные результаты никто не может предъявить. Только живое развитие исследования делает возможным дальнейшее прояснение основных проблем. В том, что в этом развитии был сделан важный шаг вперед, состоит заслуга книги Сеземана.

REFERENCES

Hartmann, N. (1958). Zu Wilhelm Sesemann. 1933. In N. Hartmann, *Kleinere Schriften. Band III. Vom Neukantianismus zur Ontologie* (368–374). Berlin: de Gruyter.